

*Рустем ВАХИТОВ,
кандидат философских наук*

Борьба корпораций

(Размышления о реформе Российской академии наук)

В обсуждении реформы РАН, которая всколыхнула наше общество, слишком много эмоций и идеологии. Иначе и не могло быть, за последние 20 лет у людей уже сформировался стойкий страх к реформам в какой-либо области, так как все по собственному опыту знают, чем эти реформы кончаются. К тому же министр Ливанов, которому президент Путин и премьер Медведев поручили реформировать РАН, имеет в обществе и особенно в среде педагогов и ученых, не самую лучшую репутацию... Трудно отрешиться от эмоций тем, кого эта реформа непосредственно коснется, да и всем, кому безразлично будущее российской науки. Однако если мы не взглянем на ситуацию без гнева и пристрастия, как советовал делать еще Тацит, то мы рискуем так и остаться в плену стереотипов и никогда не поймем: в чем истинная причина реформы.

Собственно, главный идеолог реформы Д.В.Ливанов своего понимания ситуации и своих намерений в общем-то и не скрывает. Другое дело, его никто не хочет слышать и не слышит в силу того, что за то недолгое время, которое он пробыл на своем посту, он сумел так настроить против себя практически всю общественность, что ни в какой диалог никто из уважающих себя людей вступать с ним не собирается. А между прочим прислушаться к нему полезно.

Свое понимание реформы Ливанов изложил уже давно в пространным интервью газете «Известия» от 5 июля 2013 года, опубликованном на сайте Минобрнауки¹. Оставим в стороне имеющиеся там полемические выпады против Фортова, Алферова и других его оппонентов и ряд других второстепенных вопросов. В сухом остатке мы получим следующие несколько положений:

- 1) До революции и в советские времена у нас была наука мирового уровня.
- 2) Передача после перестройки академиком госсобственности и права на коммерческую деятельность превратила академию наук в иерархическую словесную корпорацию, которая занимается распределением денег из госбюджета и из бюджета самой академии, причем, часто для увеличения благосостояния самих отдельно взятых академиков и практически без контроля со стороны государства. Научная работа при этом остается на последнем месте и научная эффективность академии год от года падает. Сегодня российская академическая наука по своим результатам уже позади Китая, Кореи и Индии и на уровне стран третьего мира.

¹ <http://минобрнауки.рф/пресс-центр/3495>

3) Такие корпорации не могут заниматься наукой в современных условиях. Нужно перейти к форме существующих на Западе клубов ученых. Распоряжаться же выделяемыми государством на развитие науки финансами будут госслужащие из федерального агентства по науке. В отличие от академиков эти госслужащие представляют декларации о доходах, отчитываются перед вышестоящим начальством, умеют решать управленческие задачи. Ученым же распоряжаться средствами и недвижимостью необязательно. Их дело — наука. Это и будет сделано в ходе реформы РАН, чья цель — превратить академию в эффективно действующий общественно-государственный орган, состоящий из лучших ученых и лучших госадминистраторов.

Всякий, кто хоть немного знаком с ситуацией в отечественной науке не понаслышке, а так сказать «изнутри», согласится, что кое в чем Ливанов прав. Начнем с того, что действительно, уровень нашей академической науки по сравнению с временами 20—30-летней давности стремительно упал. Сказались и нефинансирование науки в 1990-е, и отток лучших ученых за рубеж, и крах нашей системы подготовки научных кадров, и коммерциализация части руководства РАН и многое другое. Ливанов не преувеличивает, когда говорит, что в плане научного развития Россия сейчас уступает даже таким странам, как Индия. Понятно, что дальше этого терпеть нельзя и что реформа отечественной системы управления наукой давно назрела.

Прав Ливанов также и в характеристике академии. Руководство РАН — это, действительно, закрытая корпорация, которая занимается распределением финансовых ресурсов, выделенных государством на науку. В этом смысле академики не только ученые, но и своеобразные государственные служащие (хотя официально они такого статуса не имеют), которые занимались до последнего времени руководством всей академической наукой России (распределяя финансы, назначая руководителей научных институтов, поддерживая или не поддерживая те или иные направления исследований). Выражаясь метафорически, корпорация академиков до последнего времени была своеобразным параллельным министерством академической науки РФ и, кстати, в силу этого была серьезным конкурентом другого министерства науки — Минобрнауки, которым руководит не кто иной, как господин Ливанов (про эффективность этого официального министерства науки также можно сказать много интересного, достаточно вспомнить, что именно в нем расцвел бизнес по торговле учеными степенями).

Как бы это не было неприятно, но Ливанов прав и в том, что далеко не все академики — выдающиеся ученые. Увы, так в России было всегда: в академию наук попадали иной раз и удачливые бюрократы от науки, а иногда и просто карьеристы и сомнительные личности, а отдельные настоящие ученые оставались за ее дверями. Вспомним скандальное голосование в дореволюционной академии наук, когда академики забаллотировали великого русского химика Дмитрия Ивановича Менделеева. Из 500 нынешних действительных академиков РАН только 104 были выбраны в АН СССР (где также все обстояло не всегда благополучно), остальные 396 получили статус академика уже в «лихие 90-е» и в нулевые. Что у нас творилось в 90-е годы, вряд ли нужно напоминать и нужно ли долго доказывать, что в том хаосе шансы у карьериста и выскочки попасть в анклав академиков резко выросли (разумеется, это не отменяет тот факт, что среди академиков были и есть настоящие выдающиеся первоклассные ученые).

Наконец, Ливанов правильно отметил, что в 1990-е годы власть сделала академии наук щедрый и беспрецедентный в истории России подарок. В 1996 году

тогдашний президент РФ Б.Н.Ельцин подписал закон «О науке и государственной научно-технической политике». Закон разрешил академикам распоряжаться госимуществом академии: «Российская академия наук, отраслевые академии наук... наделяются правом управления своей деятельностью, правом владения, пользования, распоряжения имуществом, находящимся в федеральной собственности и принадлежащим им на праве оперативного управления». Фактически Ельцин даровал официальной академии наук право на занятия коммерческой деятельностью, не связанной с прямым назначением академии наук. Таким образом Ельцин отблагодарил ученых за массовую поддержку «демократов» — всякий, кто жил в 80—90-е годы помнит, что именно ученые, в том числе и руководство АН СССР, а затем РАН были мотором перестроечных и либеральных реформ в нашей стране. Точно также Ельцин, кстати, отблагодарил и элиты нацреспублик в составе России, дав им широчайшую автономию от федерального центра. Выходит, что отбирая у академии эти льготы власть просто продолжает ту политику, что она начала в 2000-е, когда Путин стал «давить» элиты в нацобразовании, лишая их той беспрецедентной самостоятельности, которую им дал Ельцин. Пришел новый суверен, который ничего не должен ни нацменьшинствам, ни академикам, поэтому он и аннулирует старые договоренности.

Однако наряду с верными замечаниями в словах Ливанова (и в законопроекте, который он комментирует) есть недоговоренности, принципиальные ошибки и явное лукавство.

Так, Ливанов говорит, что до революции и в советские времена академическая российская наука не уступала научным традициям развитых западных стран. Это верно, но в то же время это прямо противоречит его же заявлению, что науку могут делать лишь клубы ученых англосаксонского типа, а государственные распределительные научные корпорации когнитивно бесплодны. Дело в том, что и до революции, и в советские времена академия наук была у нас государственным учреждением, в котором руководство — корпус действительных (или как говорили до революции «ординарных») академиком занимался распределением выделенных государством на науку бюджетных ассигнований. Об этом прямо говорилось в регламенте Санкт-Петербургской императорской академии наук от 1803 года: «Сумма, всемиловейше определенная нами на содержание Академии, также доходы, получаемые ею с типографии и книжной лавки, составляющие экономическую сумму, особую от штатной, отдаются в собственное ее распоряжение и управление...», и в уставе АН СССР от 1930 года: «Президиум Академии наук... является распорядителем кредитов Академии» (глава 4 пункт 35).

Более того, в Российской империи академики официально, по закону являлись государственными служащими. Ординарным академиком присваивался 6 класс по табели о рангах Российской империи, то есть звание коллежского секретаря — высокопоставленного чиновника гражданской службы, соответствующее званию полковника в армии и капитана 1 ранга во флоте (забавно, что министр Ливанов просто об этом не знает, чему свидетельство — статья в журнале «Эксперт», которую он опубликовал в соавторстве в 2009 году; там Ливанов «на голубом глазу» заявляет, что, якобы, в Российской империи академия была не государственным учреждением, а частным клубом ученых типа Национальной академии США²). Общественные академии или «клубы ученых», каковые ха-

² Сергей Гуриев, Дмитрий Ливанов, Константин Северинов. Шесть мифов Академии наук//http://expert.ru/expert/2009/48/6mifov_akademii_nauk/.

рактерны для англосаксонских стран (так, Национальная академия США — негосударственная организация, которая хоть и основана президентом, но до 1950 года финансировалась исключительно частными благотворительными фондами вроде фонда Форда и фонда Рокфеллера) в России не прижились. В 1990-е годы, когда диктат государства ослаб и в России, казалось бы, должно было зародиться гражданское общество, такие академии стали появляться и у нас. Первой из них стала Российская академия естественных наук (РАЕН). Однако судьба их была печальной: из интересной общественной инициативы они вскоре превратились в коммерческие предприятия по продаже академических дипломов с близкой к нулю научной эффективностью, так что за ними навсегда утвердилась кличка «липовых», «ненастоящих» академий. Нечто вроде Королевского Лондонского общества у нас так и не возникло. Видимо, в России науке суждено всегда оставаться в этикетских формах; причем от самого этого факта эффективность науки не зависит, все дело в администраторе — государстве. Когда оно проявляет заинтересованность в науке, то последняя развивается, когда нет — она превращается в такую замкнутую иерархически-распределительную корпорацию, про которую говорил Ливанов.

Ливанов лукавит и когда говорит, что после реформы РАН превращается в клуб ученых западного образца с тем лишь отличием, что финансами, выделяемыми этому клубу будут распоряжаться «эффективные менеджеры» из госструктур. По законопроекту о реформе РАН все равно остается организацией, которую учреждает и реорганизует государство и более того, государство решает: чем корпус академиков может заниматься и чем не может. Например, академикам обновленной РАН вменено в обязанность заниматься наукой и за это им даже выплачивается немалое жалование — 100000 рублей в месяц, но им запрещено распоряжаться выделенными на науку госфинансами. Перед нами те же чиновники, служащие государству и получающие за это зарплату от государства, но только пониженные в статусе. Никакого отношения реформированная РАН к клубу ученых иметь не будет: клуб ученых как общественная негосударственная организация не может быть реорганизован государством, вправе заниматься любым видом деятельности, какой сочтет нужным, существует не только на госсубсидии и имеет полную свободу распоряжаться своими средствами. Между прочим, в то время, когда Ньютон руководил Лондонским обществом, в его члены принимали и бизнесменов, и просто людей, далеких от науки, но готовых поддержать исследования (одним из членов Королевского лондонского общества, на чьем дипломе красовалась подпись самого Ньютона, был... русский вороватый царедворец Алексей Данилович Меншиков, чей вклад в британскую науку был сугубо материальным).

Лукавит Ливанов и когда заявляет, что госслужащие из федерального агентства лучше и эффективнее будут распоряжаться финансовыми потоками, предназначенными для развития науки, чем сами академики. Та благостная картинка, которую он нарисовал в своем интервью, — обновленная академия, где эффективные кристально честные госслужащие осыпают деньгами гениальных, но придурковатых академиков, не умеющих даже пачку денег пересчитать — блеф. Ливанов не хуже нас понимает, чем обернется передача права распоряжаться финансами чиновникам: откатами, которые чиновники будут требовать с руководства того или иного академического института за финансирование его исследований. Самый плохой академик лучше в этой роли самого хорошего чиновника тем, что плохой академик все же какой-никакой, а ученый. Он учился в аспирантуре и докторантуре, он со-

хранил хоть остатки уважения к исследовательскому труду, он, наконец, связан с учеными-исследователями различными личностными связями и, пусть и отдаленно, но понимает важность того или иного направления исследований (что же касается того, что госслужащий представляет декларацию о доходах, то, что мешает дать академикам статус госслужащих, как это было в Российской империи).

Обычный же чиновник от ученых и от науки, как таковой, чрезвычайно далек: вчера он руководил сельским хозяйством, сегодня руководит наукой, завтра его «бросят на культуру». Для него существует лишь ресурс, который он раздает как захочет и кому захочет. Даже если он не будет требовать откаты, он навредит науке из элементарного незнания ситуации, а он, скорее всего, будет их требовать...

Пора подводить итоги. В той части, где Ливанов критикует положение в сегодняшней нашей академической науке, он, пожалуй, прав. В той части, где он предлагает конкретные меры по улучшению ситуации, он лукавит и, видимо, сам понимает, что такая реформа обернется еще большей деградацией академической науки в России. Из этого следует, что не ради развития нашей науки устроена эта реформа. Тогда, спрашивается, ради чего?

Я уже упоминал, что у нас существует две формы науки — академическая и вузовская. Академической наукой до последнего времени управлял корпус академиков, вузовской наукой управляло и управляет министерство образования и науки, которым руководит министр Ливанов, и которое представляет такую же госкорпорацию по распределению финансов, каковой Ливанов назвал РАН. Министр Ливанов любит поговорить о том, что в развитых странах Запада и в США именно университетская наука — флагман научного развития. Это действительно так, только в этих странах существует такая малость как автономия университетов и государство не вмешивается в научные исследования в вузах. В России же ректоры вузов выбираются общим собранием работников из числа кандидатов, согласованных с Минобрнауки, а снять ректора министерство вообще может ни с кем не советуясь, достаточно лишь разорвать с ним трудовой договор. А ведь именно в подчинении ректора в российских вузах находится отдел научных исследований и проректор по научной работе, а также финансы, выделяемые на науку. Получается, что вузовская наука полностью зависит от бюрократов из министерства и лично от министра Ливанова... Это не говоря уже о том, что у нас чиновники Минобрнауки решают: кому быть членом научного сообщества, а кому нет. Присуждение ученых степеней в России — не прерогатива экспертного сообщества в самих университетах, как на Западе, а министерства и лично министра Ливанова.

Кстати, несмотря на то, что вузовской наукой у нас управляют не «малоэффективные» ученые из самих вузов (что было бы, на мой взгляд, совершенно замечательно), а «суперэффективные» чиновники Минобрнауки, развиваться лучше она не стала. По тому же индексу цитирования вузовская наука у нас существенно отстает от академической, которая, как признает Ливанов, сама далеко уже не впереди планеты всей.

Теперь же министр пытается подмять под себя и академическую науку. Федеральное агентство по науке, которое фактически уже управляет реформированной РАН, подконтрольно правительству, но можно не сомневаться, что большое влияние в нем имеют чиновники Минобрнауки. Они по рекомендациям пониженных в статусе академиков выделяют деньги на научные исследования... и, боюсь, окончательно угробят академическую науку, как они уже почти угробили науку вузовскую...